

УДК 614.2

DOI: 10.25742/NRIPH.2021.04.011

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИДЕМИОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ЮГУ РОССИИ XVII–НАЧАЛА XVIII ВВ.

Жиброва Т.В.¹

¹ Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Российская Федерация

Ключевые слова:

история медицины, эпидемия, противозидемические мероприятия, юг России

Аннотация

Изучение исторической эпидемиологии – актуальный раздел истории медицины России, страницы которой были бы неполными без рассмотрения противозидемических мер борьбы на местах, порядка действий властей и местного населения в случае возникновения «моровых поветрий». Среди документов Государственного архива Воронежской области удалось найти и проанализировать царские грамоты, отписки, челобитные и другие материалы, в которых содержатся упоминания о случаях массовых заболеваний в южных регионах России и на Дону, относящихся к концу XVII–началу XVIII вв. Эти документы впервые вводятся в научный оборот. В статье предпринимается попытка определить зону ответственности местной власти в лице воеводы за здоровье населения, определяются способы борьбы с эпидемиями, которые в основном заключались в установлении заградительных застав на подъездах к зараженным территориям. Практиковались выездные дозоры. Все пришедшие из «моровых мест» путники подвергались обязательным допросам. В XVII–начале XVIII вв. служба караульщиков и заставщиков представляла собой государственную повинность, которая ложилась на плечи местных жителей соседних регионов.

TO THE QUESTION OF HISTORICAL EPIDEMIOLOGY ON THE EXAMPLE OF ARCHIVAL MATERIALS ON THE SOUTH OF RUSSIA OF THE XVII–EARLY XVIII CENTURIES

Zhibrova T.V.¹

¹ N.N. Burdenko Voronezh State Medical University, Voronezh, Russian Federation

Keywords:

history of medicine, epidemic, anti-epidemic measures, South of Russia

Abstract

The study of historical epidemiology is an actual section of the history of medicine in Russia, the pages of which would be incomplete without considering the anti-epidemic measures of control on the ground, the procedure for the actions of the authorities and the local population in the event of "pestilence". Among the documents of the State Archive of the Voronezh Region, it was possible to find and analyze the royal letters, petitions and other materials that contain references to cases of mass diseases on the Don, dating back to the end of the XVII–beginning of the XVIII centuries. These documents are being introduced into scientific circulation for the first time. The article attempts to determine the area of responsibility of the local administration in the person of the voivoda for public health, identifies ways to combat epidemics, which mainly consisted in the establishment of barricades at the entrances to the infected territories. Field patrols were practiced. All travelers who came from "pestilential places" were subjected to mandatory interrogations. In the XVII–early XVIII centuries, this service was a state duty, which fell on the shoulders of local residents of neighboring regions.

В XVII–начале XVIII вв. Россия представляла собой обширную территорию, разделенную на уезды, жизнь в которых протекала сообразно давно сложившимся местным традициям и обычаям. Главой можно считать воеводу, который ранее, как можно найти в исследовательской литературе, приезжал «покорниться», то есть отдохнуть от боевых тревог, нажиться за счет местного населения [1, с. 33]. Позже явно чувствовались попытки государственной власти превратить воеводу именно в управленца, государственного чиновника, на плечи которого возлагалось тяжелое бремя ответственности за все, что происходило на вверенной ему территории.

Именно воевода в обозначенный нами хронологический период отвечает за торговую жизнь города и уезда, за сбор пошлин, выполняет распоряжения, полученные им из столицы и от воевод других городов, в том числе, следит и за благоприятной эпидемиологической обстановкой [2, с. 149–153].

Примером являются события 1654 года, связанные с началом очередного «морového поветрия», так называли в то время эпидемии, сопровождающиеся высокой смертностью¹. Были ли это чума, оспа или какие-либо другие заболевания, установить невозможно, однако, в исторической литературе исследователи склоняются к тому, что чаще всего массово люди умирали, заболев бубонной чумой [3, с. 121–132; 4, с. 397–400].

В сентябре 1654 года новгородский митрополит Макарий составил грамоту в Тихвинский монастырь с предупреждением о начале эпидемии. Дорога от Москвы в Новгород была закрыта, повсеместно были расставлены заставы, местные жители получили распоряжение всех чужаков предупреждать о начале мора и «будут которые государевы всяких чинов люди, и ... дети боярские, и бояр Государевых и окольных и всяких служилых людей люди их и крестьяне и монастырские служки и служебники и крестьяне ж учнут к тем заставам приезжать и приходиться с Москвы и из иных городов ... никого пропускать не велено»².

За слушание местных жителей ждало суровое наказание, вплоть до смертной казни. Монастыри в период эпидемий становились надежной

защитой для членов царской семьи, которые, изолировавшись от остальных, стремились переждать эпидемиологическую опасность. В 1654 году царская семья находилась в Троицком Сергиевом монастыре, куда должны были своевременно сообщать о количестве смертей и обо всех подробностях, призванных установить причины эпидемии. Так читаем: «нет ли на люди какого упадка, и будет есть, и сколь давно, и в которых местах сколько человек померло, и долго ль те люди были больны и какую болезнью, и с язвами померли, иль без язв, и о том о всем разыскав подлинно, велено отписать и роспись прислать»³.

Интерес представляет и тот факт, что мертвых хоронили сами местные жители. В случае выявления заболевших, их дворы закрывались, ставили сторожей, которым запрещено было кого-то выпускать, «чтоб от того моровое поветрие не множилось». Если же на дворах не оказывалось колодцев, воду привозили, избегая всех возможных контактов с заболевшими. Всех приезжих было велено задерживать и допрашивать, подавая своевременно отписки в столицу [5, с. 114].

К службе на заставах привлекались выходцы из разных слоев населения: монастырские служки, посадские люди, бобыли и др. Судя по всему, желающих для этого дела не хватало, поэтому под угрозой возможного наказания все местное население, по сути, получало новую государственную повинность, обязательную к исполнению.

В 1657 году моровое поветрие было обнаружено в Казани и Уфе. Снова все дороги были закрыты. Заставщики обязаны были допрашивать и разворачивать всех встречных, независимо от важности их дел, а также под страхом неминуемой смертной казни сообщать всем, отправляющимся в сибирские городки, об опасности. Интерес представляет и обязательная приписка не брать никаких подношений и «посулов» от проезжающих из опасных мест, предупреждение не общаться с ними «конно» или «пеше». «Заморные места» должны были сразу сообщаться в Москву. Устанавливался также срок давности сведений о моровом поветрии в уездах – два месяца с даты последних сведений о массовых заболеваниях лю-

¹ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 4. 1645–1676. – СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841–1872, Типография 2-го Отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии, 1842. – С. 223–225.

² Там же.

³ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 4. 1645–1676. – СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841–1872, Типография 2-го Отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии, 1842. – С. 233–234.

дей⁴.

Практически все имущество заболевших и умерших подлежало уничтожению. Одежда должна была быть сожжена, однако, то, что хранилось в сундуках, позволялось постирать и «выморозить на морозе» для дальнейшего пользования [4, с. 397–400]. Избы умерших две недели держали на морозе, а затем протапливали по три дня можжевеловыми дровами и польню. За ослушание и пренебрежение государственными указами ослушников ждало суровое наказание.

Обратимся теперь к неопубликованным источникам, хранящимся в государственном архиве Воронежской области. С моровыми поветриями здесь связан достаточно объемный пласт документов, относящийся преимущественно к XVII–началу XVIII вв. В общей сложности десять архивных дел, хранящихся в разных фондах, так или иначе связаны с упоминанием начавшихся эпидемий и мер борьбы с ними и недопущения распространения массовой гибели российских подданных.

Например, царская грамота воронежским воеводам Ивану Васильевичу Волинскому и Семену Васильевичу Усову от июля 1625 года о появлении на юге России морового поветрия⁵. Месяцем ранее воронежцы получали указание разведать о ситуации в донских городках и о начавшемся там массовом море людей⁶.

Донские городки, судя по проанализированному документу, во второй половине XVII столетия, считались неблагополучной, в плане эпидемиологической ситуации, территорией [6, с. 158–159; 7, с. 6–9]. Так, к октябрю 1668 года относится отписка валуйского воеводы И.С. Позднякова о получении им известий о «мором поветрии» на Дону⁷: «Во втором числу дни приехал на Волуйки з Дону жилец Герасим Евдокимов да с ним донские казаки станицы атоман Леонтий Васильев да есаул Никита Тимофеев да рядовых казаков девять человек». В пять часов дня из Белгорода была получена грамота о мерах против морового поветрия. Валуйский воевода, который буквально несколько часов ранее принял

у себя казаков из опасных мест, выразил обеспокоенность своим действием. Он получил приказ «донских казаков и торговых людей з Дону ... не пропускать и с ними не съезжаться и ничего у них не покупать и даром не иметь».

Беспокойство воеводы можно понять, однако уже допрошенные им казаки сказали, что у них в городках пока все было спокойно, морового поветрия у них нет, и воевода просил нового распоряжения из столицы о том, как ему поступить дальше. Приехавшие казаки были посажены под стражу, на дорогах выставили заставы, а хлебные запасы, выданные Евдокимову, были записаны в учетные книги. К сожалению, установить, какие распоряжения были присланы воеводе по этому делу, и проследить судьбу казаков не представляется возможным⁸.

В августе 1681 года новый валуйский воевода Г.Д. Кобяков получил известия из Белгорода о новом моровом поветрии. Своевременно, в тот же день, согласно его отписке, были установлены заставы на всех подъездах к Валуйкам, на дорогах и в полях. Судя по всему, именно заградительные караулы признавались самой действенной мерой против распространяющихся эпидемий⁹.

Приведем в пример также переписку орловского и воронежского воевод от 1682 года, которые должны были, приняв соответствующие противоэпидемиологические меры у себя, передать отписки о моровом поветрии дальше, по городам «на черте» и «за чертою»¹⁰.

В 1690 году белгородский воевода Б.П. Шереметев сообщал в отписке полковнику Острогжского полка Ивану Семеновичу Сасову о новом моровом поветрии в городах Самаре и Новобогородицком и о новом распоряжении срочной высылке застав на все дороги и проезжие места¹¹. Угроза представлялась весьма серьезной, игнорирование ее каралось смертной казнью [8, с. 39–42]. Воронежский воевода в 1698 году вынужден был принимать те же срочные меры, получив предупреждение о новом моровом поветрии¹².

Рассмотрим подробнее ряд документов, относящихся к началу XVIII столетия. Проанализировав материалы азовской приказной палаты, убедимся, что порядок действий государственных служителей практически не изменился.

⁸ ГАВО. – Ф. И–8. – Оп. 2. – Д. 8. – Л. 2–3.

⁹ ГАВО. – Ф. И–8. – Оп. 2. – Д. 33. – Л. 1–12.

¹⁰ ГАВО. – Ф. И–287. – Оп. 4. – Д. 27. – Л. 1–2.

¹¹ ГАВО. – Ф. И–288. – Оп. 2. – Д. 77. – Л. 1–11.

¹² ГАВО. – Ф. И–182. – Оп. 4. – Д. 33. – Л. 1–13.

⁴ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 5. 1676–1700. – СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841–1872, Типография 2-го Отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии, 1842. – С. 247–249.

⁵ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. И–182. – Оп. 6. – Д. 4. – Л. 1–6.

⁶ ГАВО. – Ф. И–182. – Оп. 6. – Д. 16. – Л. 1–6.

⁷ ГАВО. – Ф. И–8. – Оп. 2. – Д. 8. – Л. 1.

В случае получения известий о новом моровом поветрии, необходимо было незамедлительно сообщать об этом в столицу и в соседние города местным воеводам, а также выставлять заградительные караулы, сторожи на дорогах, в полях и на всех проезжих местах.

Практиковались также дневные и ночные разъезды, которые должны были выявлять нарушителей, стремившихся тайно пройти вглубь страны. Так, к январю 1700 года относится сказка азовского десятника Афанасьева полка Якова Тимофеева о приходе к воротам двух посторонних человек с лошадьми. Один из вопросов, которые были заданы чужакам, из каких мест они прибыли и не являются ли эти места «заморными»¹³.

Интересно, что первыми с ними контактировали караульщики, а затем подъячий приказной палаты, Андрей Федоров, который узнав от новоприбывших, что опасности они не представляют, ничем не болеют, дал разрешение на их допрос остальными государственными служителями¹⁴.

Донские казаки, оказавшись у ворот Азова, чаще всего представляли собой беглецов из татарского плена, которые допрашивались весьма тщательно не только по причине того, откуда они бежали, с целью выяснения эпидемиологической обстановки, но и также с целью получения сведений о вражеских планах.

Весной 1704 года в азовской приказной палате оказываются еще несколько беглецов из татарского плена, «с моровых мест»¹⁵, некие Никита Шестопалов и Федор Гусев. Первый назвался выходцем из города Ярославля и находился в плену около недели, сбежав при первой же возможности. Второй же провел в плену без малого четыре года, выполняя разную черную работу, живя у татарина на дворе. На ночь тот сажал пленника на цепь, поэтому убежать удалось нескоро.

Все проходящие к воротам города или пойманные в его окрестностях чужаки обязательно допрашивались на предмет того, есть ли в тех местах, откуда они пришли, непонятные массовые смерти среди жителей, о том, что они знают, о чем слышали или видели самостоятельно.

В заключение подчеркнем тот факт, что благополучная эпидемиологическая обстановка в российских регионах в обозначенный нами хронологический период постепенно становится

делом государственной важности [9, с. 36–41; 10, с. 11–12]. Разработаны механизмы быстрых действий в случае выявления распространения массовых заболеваний, определены порядок действия местных властей в лице воеводы [11, с. 4–12]. В XVII–начале XVIII вв. служба караульщиков и заставщиков являлась государственной повинностью.

¹³ ГАВО. – Ф. И–5. – Оп. 1. – Д. 237. – Л. 1–12.

¹⁴ ГАВО. – Ф. И–5. – Оп. 1. – Д. 237. – Л. 1–3.

¹⁵ ГАВО. – Ф. И–5. – Оп. 2. – Д. 421. – Л. 1–2.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI–начало XX в.) / под ред. Р.У. Хабриева. – М.: ГЭОТАР–Медиа, 2014. – 248 с.
2. Грибанов Э.Д. Представления о болезнях и их лечении по материалам рукописных источников России / Э.Д. Грибанов, Т.Л. Мазуркевич // Клиническая медицина. – 1984. – № 11. – С. 149–153.
3. Авдеев А.Г. Новые эпиграфические источники о моровом поветрии 1654 г. в Московской Руси / А.Г. Авдеев // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2012. – № 1. – С. 121–132.
4. Медведь А.Н. Актовые материалы об эпидемиях XVII в. как источник по антропологии болезни в Московском государстве / А.Н. Медведь // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археологии. Материалы XXIV международ. науч. конф. – М.: РГГУ, 2012. – С. 397–400.
5. Жиброва Т.В. «Моровые поветрия»: борьба с эпидемиями в России во второй половине XVII века / Т.В. Жиброва // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. – 2015. – № 60. – С. 113–117.
6. Печникова О.Г. Становление отечественного противозидемического и санитарно-гигиенического законодательства в XVII в. / О.Г. Печникова // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 4. – С. 158–159.
7. Палеев Ф.Н. Эпидемия чумы XVIII века и развитие здравоохранения в Москве / Ф.Н. Палеев, Г.А. Оноприенко, А.В. Молочков // Альманах клинической медицины. – 2015. – № 37. – С. 6–9.
8. Брезгунова В.М. Гроза «морového поветрия» в острогужском черкасском полку в 1690 году / В.М. Брезгунова // Общество и власть: история и современность. Материалы 13-й Региональной научной конференции. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2019. – С. 39–42.
9. Жиброва Т.В. Из истории медицинской службы на юге России в начале XVIII века (русский лекарь Данила Лебедев) / Т.В. Жиброва // Исторические записки: научные труды исторического факультета ВГУ. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2015. – С. 36–41.
10. Пащенко Н.В. Борьба с эпидемиями на территории Воронежского края в первой четверти XVII века / Н.В. Пащенко, О.А. Кистенева // American Scientific Journal. – 2017. – № 17. – С. 11–12.
11. Черкасова М.С. Эпидемия чумы в России в середине XVII в.: управление в условиях кризиса / М.С. Черкасова // Управление пространственным развитием территорий: глобальные тренды и региональные приоритеты. Материалы научно-практической конференции. – Вологда: Вологодский государственный университет, 2019. – С. 4–12.

REFERENCES

1. *Istoriya zdavoohraneniya dorevolucionnoj Rossii (konec XVI-nachalo XX v.) pod red. R.U. Habrieva* [History of health care in pre-revolutionary Russia (late XVI-early XX century)]. Ed. R.U. Khabriev. Moscow, GEOTAR-Media, 2014. 248 p. (in Russian).
2. Gribanov E.D., Mazurkevich T.L. Ideas about diseases and their treatment based on the materials of handwritten sources of Russia. *Klinicheskaya medicina* [Clinical medicine], 1984, no. 11, pp. 149–153 (in Russian).
3. Avdeev A.G. New epigraphic sources about the pestilence of 1654 in Moscow Russia. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church], 2012, № 1, pp. 121–132 (in Russian).
4. Medved' A.N. Act materials on epidemics of the XVII century, as a source on the anthropology of disease in the Moscow State. *Problemy diplomatiki, kodikologii i aktovoj arheografii. Materialy HKHIV mezhdunarod. nauch. konf.* [Problems of Diplomacy, Codicology and Act Archeography. Proceedings of the XXIV International Scientific conference]. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2012, pp. 397–400 (in Russian).
5. Zhibrova T.V. "Pestilential diseases": fight against epidemics in Russia in the second half of the XVII century. *Nauchno-meditsinskij vestnik Central'nogo Chernozem'ya* [Scientific and Medical Bulletin of the Central Chernozem Region], 2015, no. 60, pp. 113–117 (in Russian).
6. Pechnikova O.G. Formation of domestic anti-epidemic and sanitary-hygienic legislation in the XVII century. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2012, no. 4, pp. 158–159 (in Russian).
7. Paleev F.N., Onoprienko G.A., Molochkov A.V. The plague epidemic of the XVIII century and the development of health care in Moscow. *Al'manah klinicheskoy mediciny* [Almanac of Clinical Medicine], 2015, no. 37, pp. 6–9 (in Russian).
8. Brezgunova V.M. "Pestilence" in the Ostroguzhsky Cherkassk regiment in 1690. *Obshchestvo i vlast': istoriya i sovremennost'. Materialy 13-j Regional'noj nauchnoj konferencii* [Society and power: history and modernity. Materials of the 13th Regional Scientific Conference]. Voronezh, Voronezh State University, 2019, pp. 39–42 (in Russian).

9. Zhibrova T.V. From the history of medical service in the South of Russia at the beginning of the XVIII century (Russian doctor Danila Lebedev). *Istoricheskie zapiski: nauchnye trudy istoricheskogo fakul'teta VGU [Historical notes: scientific works of the Historical Faculty of Voronezh State University]*. Voronezh, Voronezh State University, 2015, pp. 36–41 (in Russian).
10. Pashchenko N.V., Kisteneva O.A. The epidemics in the territory of the Voronezh region in the first quarter of the XVII century. *American Scientific Journal*, 2017, no. 17, pp. 11–12 (in Russian).
11. Cherkasova M.S. The plague in Russia in the mid-seventeenth century: management in a crisis. *Upravlenie prostranstvennym razvitiem territorij: global'nye trendy i regional'nye priority. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii [Management of spatial development of territories: global trends and regional priorities. Materials of the scientific and practical conference]*. Vologda, Vologda State University, 2019, pp. 4–12 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жиброва Татьяна Валерьевна – доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, кандидат исторических наук, доцент, г. Воронеж, Российская Федерация; e-mail: tashazhibrova@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1261-4435
Author ID 729466

AUTHOR

Tatyana Zhibrova – Docent of the Department of Philosophy and Humanitarian Education, N.N. Burdenko Voronezh State Medical University, Ph.D. in History, Voronezh, Russian Federation; e-mail: tashazhibrova@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1261-4435
Author ID 729466

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Жиброва Т.В. К вопросу об исторической эпидемиологии на примере архивных материалов по Югу России XVII–начала XVIII вв. / Т.В. Жиброва // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. – 2021. – № 4. – С. 86–91.

FOR CITATION:

Serebryany R.S., Kamelskikh D.V. Countering epidemics among the civilian population of the USSR in the first period of the Great Patriotic War. *Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko [Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health]*, 2021, no. 4, pp. 86-91 (in Russian).